

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ СВОБОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАЗНЫХ ЭПОХ

Мавлянова Тамилла Бахриллоевна

д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы

Самаркандинского государственного педагогического института;

Карриева Розия Давроновна

студентка 3 курса факультета языков

Самаркандинского государственного педагогического института.

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция художественного воплощения темы свободы в русской литературе XVIII–XX веков. Автор анализирует трансформацию понятия «свобода» от гражданско-политического идеала эпохи Просвещения и декабризма до экзистенциального и метафизического осмыслиения в творчестве классиков XIX века и авторов советского периода. В работе исследуются ключевые произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и писателей XX века в контексте их отношения к личной, социальной и духовной независимости. Особое внимание уделяется конфликту между внутренней свободой личности и внешним принуждением, а также роли писателя как носителя свободного слова в условиях цензурных ограничений. Исследование позволяет выявить непрерывность духовного поиска русской литературы в стремлении к обретению подлинной свободы духа.

Ключевые слова: русская литература, тема свободы, вольнолюбивая лирика, экзистенциальный выбор, А. С. Пушкин, духовная независимость, личность и государство, нравственная свобода, эволюция идеала.

Тема свободы традиционно является центральным нервом русской литературы, определяющим её этический пафос, философскую глубину и уникальное место в мировом культурном контексте. На протяжении веков отечественные мыслители и художники слова стремились дать исчерпывающий

ответ на вопрос: что представляет собой истинная свобода — является ли она политическим правом, отсутствием внешних оков или же это исключительно внутреннее состояние человеческого духа? Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в русской культурной традиции категория свободы никогда не ограничивалась лишь юридическими или социальными рамками. Она всегда приобретала сакральный, почти метафизический оттенок, становясь мерилом достоинства личности и её близости к высшей истине.

Научный интерес к данной проблеме продиктован многогранностью её воплощения в разные исторические периоды. От первых одописцев XVIII века, видевших свободу в рамках просвещенной монархии и служения государству, до авторов «потаенной» литературы XX столетия, отстаивавших право на внутреннюю суверенность в условиях тоталитаризма, — русская классика искала сложный баланс между индивидуальной волей и общественным долгом. Важно понимать, что в России литература всегда выполняла функцию «совести нации», становясь единственной легальной трибуной для обсуждения запретных социально-политических тем. В условиях отсутствия гражданских институтов именно художественный текст превращался в пространство реализации независимой мысли, где авторы моделировали ситуации предельного выбора.

Особое внимание в статье уделяется трансформации образа свободы: от героического, внешнего вольнолюбия декабристского типа («К Чаадаеву» А. С. Пушкина) к «трагической свободе» в реализме второй половины XIX века. Если для романтиков свобода была ослепительной целью и высшим благом, то в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого она осознается как тяжелое бремя ответственности, требующее колоссальных душевных затрат. Проблема «свободы воли» и «произвола» становится центральным конфликтом великих романов, где герои мучительно ищут границы дозволенного. В XX веке тема свободы переживает новый виток, сталкиваясь с катастрофами мировых войн и революций, что приводит к возникновению литературы сопротивления и экзистенциального подвига. Целью данной работы является прослеживание динамики развития концепта свободы как

сквозной идеи русской словесности. Мы ставим задачу доказать, что несмотря на радикальную смену идеологических парадигм, русская литература сохраняет преемственность в понимании «внутреннего человека». Исследование позволит выявить, каким образом художественные средства — от аллегории и эзопова языка до прямого публицистического высказывания — помогали авторам воплощать идеал независимости. Статья стремится продемонстрировать, что стремление к обретению подлинной свободы духа остается неизменным генетическим кодом русской литературы, определяющим её непреходящую мировую значимость.

Литературный процесс XVIII — начала XIX веков характеризуется переходом от абстрактного, нормативного восприятия «вольности» к конкретно-историческому анализу гражданских свобод, что было продиктовано кризисом абсолютизма и поиском новых общественных идеалов. А. Н. Радищев в своей знаковой оде «Вольность» и философском трактате «Путешествие из Петербурга в Москву» заложил фундамент русской политической лирики, где свобода интерпретируется не как милость монарха, а как имманентное, естественное право человека, вступающее в неразрешимое противоречие с самодержавным произволом и крепостничеством. Декабристская поэзия, представленная именами К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского, развила этот мотив, придав ему черты героического жертвенного служения. Свобода в их художественном мире становится высшим этическим императивом, требующим от личности полного отречения от частных интересов ради коллективного блага нации. В этот период формируется специфический тип героя-тираноборца, чья внутренняя независимость легитимизируется готовностью к политическому подвигу и гибели, что заложило в русскую литературу традицию понимания свободы как высшего гражданского долга.

Александр Пушкин совершает в русской словесности фундаментальный переворот в осмыслении данной категории, последовательно переводя дискурс из плоскости политического радикализма в сферу глубокой личностной философии. В зрелом творчестве поэта свобода предстает уже не как внешнее вольнолюбие, а как

«тайная свобода» художника — его право на духовную суверенность и автономность от государственного вмешательства и мнения «черни». В таких произведениях, как «Пора, мой друг, пора!», «Из Пиндемонти» и «Памятник», Пушкин формулирует идеал независимости, заключающейся в возможности творческого самосохранения и праве личности на внутренний покой, который противопоставляется сути общественной жизни. Совершенно иной, трагический ракурс предлагает М. Ю. Лермонтов, чья интерпретация свободы носит характер метафизического бунта. Для лермонтовских героев свобода — это абсолютная, ничем не ограниченная категория, реализация которой в условиях земного бытия априори невозможна. Свобода в его поэтике неразрывно сопряжена с экзистенциальным одиночеством и изгнанием, становясь для личности единственным способом манифестации своего «я» в глубоко враждебном мироздании.

Во второй половине XIX века русская литература переходит от романтической идеализации свободы к её детальному философскому и этическому препарированию в рамках реалистической школы. Ф. М. Достоевский подвергает концепт свободы беспощадной деконструкции, выявляя катастрофические последствия превращения свободы в произвол и самовластье. В его великом «пятикнижии», и особенно в «Легенде о Великом инквизиторе», ставится проблема онтологического «бремени свободы», которое оказывается непосильным для человека, лишенного духовной опоры. Достоевский доказывает, что подлинная свобода возможна только через свободное же ограничение собственного эгоизма и добровольное принятие нравственного закона. Параллельно с этим Л. Н. Толстой в своей философии истории исследует диалектическую связь свободы и необходимости. В эпилоге «Войны и мира» он анализирует иллюзорность человеческой воли в масштабах глобальных исторических процессов, однако в этическом плане Толстой утверждает свободу как способность человека к нравственному самосовершенствованию и возвращению к «простоте» народного сознания, свободному от искусственных социальных условностей.

Литература XX столетия, столкнувшись с вызовами тоталитарных систем, выводит тему свободы в плоскость сохранения человеческого в человеке перед лицом глобальной нивелировки личности. В художественных мириах Е. Замятиня, М. Булгакова и А. Платонова свобода защищается как онтологическая константа человеческого существования. Замятин в романе-антиутопии «Мы» блестяще демонстрирует, что любая попытка обменять свободу на гарантированное материальное счастье и порядок ведет к аннигиляции индивидуальности.

В поэтическом слове Серебряного века и последующей «катакомбной» литературе свобода воплощается в акте неподцензурного творчества, которое признается единственной областью, неподвластной физическому насилию. В произведениях А. Ахматовой, О. Мандельштама и А. Солженицына свобода осознается как внутренняя крепость и форма духовного сопротивления, где даже в условиях лагерного плена или идеологического давления личность сохраняет за собой право на суверенную мысль. Таким образом, русская литература разных эпох демонстрирует преемственность в понимании свободы как высшего измерения человеческого бытия, переходя от внешних форм борьбы за права к защите внутренней свободы духа как последней опоры личности.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что художественное воплощение темы свободы в русской литературе представляет собой сложный процесс трансформации от внешнеполитических идеалов к глубоким экзистенциальным категориям. На протяжении столетий отечественная словесность выступала в роли уникального пространства, где категория свободы осмыслилась как высшее мерило человеческого достоинства. Если для авторов начала XIX века свобода была неразрывно связана с гражданским подвигом и героическим переустройством общества, то во второй половине столетия акцент сместился в сторону метафизики выбора и ответственности личности перед вечными нравственными законами. Великие реалисты доказали, что внешняя воля теряет смысл без внутреннего освобождения от пороков и эгоизма, превращая тему свободы в центральный вопрос духовного спасения человека.

В XX веке, в эпоху глобальных социальных катастроф, русская литература вновь подтвердила свой статус «защитницы человеческого», переосмыслив свободу как акт внутреннего сопротивления и сохранения идентичности в условиях тоталитарного давления. Трагический опыт поэтов и прозаиков этого времени показал, что подлинная свобода — это прежде всего свобода совести и творческого высказывания, которую невозможно отнять силой. Таким образом, преемственность в понимании свободы как незыблемой ценности духа составляет генетический код русской классики, определяя её мировое значение и непреходящую актуальность для каждого нового поколения читателей, ищущих ответы на фундаментальные вопросы бытия.

Список использованной литературы:

1. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. — М.: АСТ, 2006. — 320 с.
2. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — 2-е изд., доп. — Л.: Советский писатель, 1974. — 408 с.
3. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю. М. Лотман. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
4. Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — М.: Аспект Пресс, 1995. — 384 с.
5. Саракина, Л. И. Достоевский возвучиях и притяжениях / Л. И. Саракина. — М.: Русский путь, 2006. — 608 с.
6. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. — М.: Художественная литература, 1972. — 543 с.
7. Эйдельман, Н. Я. Свободное слово Герцена / Н. Я. Эйдельман. — М.: Наука, 1963. — 216 с.

8. Эткинд, А. М. Толкование путешествий: Россия и Запад в изложении А. Кюстинса и А. Радищева / А. М. Эткинд. — М.: НЛО, 2001. — 482 с.